

ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ,

считает Аркадий Арканов. Тем более что другого выхода у юмориста нынче нет

Разговаривать с Аркадием Аркановым о политике я не собирался. Она и так всем надоела, зачем же еще пичкать ею людей под Новый год... С этими благими мыслями я подошел к дому сатирика и под ноги, естественно, не смотрел. Последствий не пришлось долго ждать: я крепко поцеловал темный ребристый лед, которым за предновогодние дни обросла Москва и, как подобает истинно русской душе, вознегодовал на власти. В результате сильно пострадали мои либеральные убеждения, и это не могло не сказаться на тональности беседы.

— Аркадий Михайлович, в течение долгих лет юмор был в нашей стране одной из немногих отдушин. Однако в последнее время стали поговаривать о том, что сатиру убил политика: какой смысл в намеках и полутонах, когда все можно сказать прямо? А сейчас у меня иногда появляется ощущение, что сама реальность становится подобием хорошей юморески. Жириновский, сегодняшней кумир толпы, — пренебре всемо блестящий юморист; он нудя талантливый Хазанова, который пытается его пародировать. За вход на свои спектакли так, концерты он мог бы брать большие деньги. Но если политический деятель сознательно ведет себя как клоун, что остается на долю сатирика?

— К сожалению, за выступления Жириновского многие действительно готовы дорого платить — и это хорошо показали прошедшие выборы. А что до сегодняшней сатиры... Да, вы правы, у нее сейчас положение сложное. Раньше рты сатирикам завязывала цензура, но, как ни странно, именно это придавало русской юмористике особую изощренность. Талантливым людям приходилось создавать несколько ярких обертки и заворачивать в эти фантики сильно горчичнее содержание... Нынче это потеряло смысл. Журналисты опережают сатириков, о властях они говорят так, как нам и не снилось. Если газета называет президента (или вице-президента) дураком, то что еще может сказать сатирик? Он должен придумать что-то нецензурное и высказать это в особо циничной, никогда ранее не звучавшей форме. Но для меня это не предмет литературы.

— Что же для вас сегодня предмет сатиры?

— Я никогда не тяготел к публицистике, меня всегда интересовали не обстоятельства, в которых находится человек, а человек, находящийся в этих обстоятельствах.

— А как же ваш великий труд «От Ильича до лампочки», фрагменты из которого печатались в «Труде»? Ведь это политика чистой воды...

— Да, но в своеобразном преломлении. Боже, подумал я, почему никому не захотелось написать юмористическую летопись советской исто-

рии? Я ее еще не закончил, но в ближайшем будущем появятся главы, рассказывающие о сегодняшних событиях.

— То есть вы остановились на событиях августа 1991 года — Ельцин протирает ружье с танка, народ линкует?

— Именно так. Ей-Богу, ведь забавно описать нашу историю простым, почти детским языком, издеваясь и над идиотизмом учебников, и над догматическими представлениями ученых мужей... Да и история сама по себе штука заманчивая. Мы ее плохо знаем: вплоть до недавнего времени политики перекаривали прошлое. А что происходит сейчас? Я не питаю симпатии к отечественным револю-

ционерам, но когда под корень вырубают посвященные им памятники — это варварство.

— Замысел этой книги действительно очень хорош. Мы чересчур серьезно относимся и к отечественной истории, и к самим себе. А между тем мы, как мне кажется, очень смешные люди. Посмотрите на предновогоднюю столицу: каждый пятый тащит японский телевизор, каждый третий — новер или сумку с хрусталем... В валютных магазинах не протолкнешься, за тортами очереди — а между тем все уверены, что натянутся в нищету, и дружно голосуют за Жириновского. Публика ругает плохие времена, но такой ванханалии рождественских покупок я в Москве не помню.

— Для меня это тоже загадка. Вспомните, как шло голосование: Санкт-Петербург голосует за «Выбор России», а в мажоритарном списке эти же люди выбирают Невзорова. Округ отдает голоса Жириновскому, а в мажоритарном списке проходит демократ. Понять суть происшедшего я не могу.

А насчет всего остального я с вами согласен. Кому-то выгодно внушить людям, что мы бед-

ствуем, вымираем и скоро начнем пожирать друг друга. Но я-то вижу, что это не так! Та же бабка, что кричит на митинге — «продали Россию, гады!» — после отправится продавать за тройную цену сгущенку или колбасу. Да, ей сейчас не сладко живется, но когда было иначе?

На среднюю зарплату сегодня прожить невозможно. Но если бы большинство наших сограждан на нее жило, то страна действительно давно бы вымерла. А если этого не происходит, значит, люди умудряются где-то зарабатывать. И у многих, кстати, выходит очень неплохо. Иначе говоря, сегодняшняя система позволяет человеку адаптироваться к жизни. На новом уровне повторяется ситуация, которая была при «застое». Иностранцы тогда все поражились: как же так, в магазинах ничего нет, зарплаты нищенские, а в любом доме холодильники забыты дорогими продуктами. Люди подворовывали, и государство смотрело на это сквозь пальцы.

понимая, что иначе им не выжить. А сейчас они могут заниматься примитивной коммерцией (если хотите, назовывайте это спекуляцией) — и она дает им шанс остаться на плаву.

— Аркадий Михайлович, мне кажется, что выборы кончились таким образом еще и потому, что люди были благодарны человеку, который их повеселил и развлек. Экономисты, юристы и политологи обращаются к ним на «птичьем» языке, а тут выходит некто рыжий, размахивает над головой женскими трусами, говорит, как сосед по очереди у пивного ларька... По сути дела, повторился феномен Ельцина 1990 года, когда любая оплошность шла ему на пользу. Свой мужик: то в воду упадет, то еще что-нибудь этаное с ним приключится...

— Вы правы. Но Жириновский при этом очень серьезная фигура: он лучше, чем наши демократы, понял настроение людей.

Я много езжу по стране, у меня широкий круг общения, и я уже давно почувствовал, как изменилось отношение к нашим реформаторам. И во многом они виноваты сами. Монетаристская система, инвестиции, налог на добавочную стоимость... Это язык Гайдара и Явлинского, массе он непонятен. Жириновский обратился к людям на их собственном языке — и это принесло ему победу.

Он не клоун, в нем много загадочного и необъяснимого. Россия просто не могла за него проголосовать, хотя бы из-за его отчества. Но он преодолел и это. Я боюсь, что Жириновский — тот бес, который может попутать нацию. Для того чтобы сражаться с ним на равных, нужен лидер, по популярности сопоставимый с Ельциным 1990 года. Такого сейчас среди демократов нет. И я не убежден, что сегодняшний Ельцин оказался бы сильнее. Борису Николаевичу кажется, что до 1996 года Жириновскому с ним не сладить. А что он сделает со страной после этой даты — при нынешней Конституции?..

— Я не хочу, чтобы новогоднее интервью заканчивалось на такой печальной ноте. Я все ищу вопрос повеселее, да никак не могу его найти...

— Все совсем не так печально. Есть здравый смысл, есть Бог. Я все же не верю, что чудовищная оперетта на музыку и слова господина Жириновского будет поставлена в России. Этого не может быть потому, что этого быть не может.

...И в заключение беседы писатель предложил нам свою соседнюю юмореску.

Алексей ФИЛИПОВ.

ПИСЬМО

из больницы им. Склифосовского

от Николая Савушкина в город Тверь сестре Нюре

Здравствуй, родная сестра Нюра!

У нас все хорошо. Правда, я сломал себе ногу, так что на Новый год нас в гости не жди. Я в больнице. А так все хорошо. А в больницу я попал следующим образом. Нам на восемнадцатое число достали билеты в Дом кинематографистов на вручение призов лучшим картинам года. Повидели всех наших звезд. Наш мэр Лужков тоже вручал кому-то приз и даже свои стихи читал. Не помню про что, но стихи складные. Хазанов выступал в арестантской одежде. Его ведь Жириновский обещал посадить. Вот он и приготовился. Мы все хохотали. А к ночи, когда возвращались домой, похолодало, и все обледенело. У нас ведь с начала декабря лед с тротуаров не скальвают. Вот я и навернулся. И ногу себе сломал. А так у нас все хорошо.

Вера моя тебе кланяется. Она в женской палате лежит. Мы же с ней вместе в Доме кинематографистов были. Так она тоже себе сломала. Только руку. Она в одной палате с Людмилой Георгиевной лежит. Помнишь вашу

соседку? Рыженькая такая. Она из гостей шла. Видит — мы лежим. Хотела помочь и тоже ногу сломала. Так что она с Верой в одной палате. А мы с ее мужем — на третьем этаже. Он же тоже из гостей шел. Вот так мы все вчетвером и лежали. Хорошо, мимо знакомый альпинист проползал. Ему через месяц в Гималаи ехать — какую-то вершину покорять. Так вот он в нашем переулке и тренируется. Он как раз «скорою помощь» и вызвал. Через час за нами приехали. Вышли два санитара и тут же ноги сломали. Вместе с водителем... А около четырех утра мимо бронетранспортер проезжал. Ну нас солдаты изо льда вырубали и всех семерых в больницу доставили.

И вот лежу я в больнице и думаю: за кого я, собственно говоря, голосовал? За Жириновского. Он же обещал все изменить к лучшему. А сегодня после выборов уже который день прошел, а все по-прежнему: тротуары не чистят, солью и песком не посыпают, светофоры не работают, в подъездах писают, троллейбусов по часу

ждешь, а через час их сразу три приезжает. Как будто бояться, что поодиночке их угонят...

Звонили сегодня утром в мэрию — хотели Лужкову пожаловаться, но нам сказали, что Лужков еще на работу не пришел. Ну тут одно из двух: или новые стикши сочиняет, или тоже ногу сломал, дай ему Бог здоровья.

И вот нас четверо, два санитара и водитель, решили: на выборах 1996 года за того будем голосовать, кто гарантирует, что тротуары начнут чистить, светофоры станут работать, троллейбусов по часу не придется ждать и в подъездах перестанут писать. Хватит людям мозги пудрить. А так в остальном, Нюра, у нас все хорошо. Допишу после — сейчас профессорский обход...

Ну вот, Нюра, могу спокойно дописать. Обход сегодня не состоится. Профессор поехал из дома в больницу, вышел из подъезда, поскользнулся и сломал ногу.

Вот так, Нюра, как говорил товарищ Сталин, наступил год великого перелома.

Твой КОЛЯ